

УДК 316.334.2

А.А. Шестаков*

ЭВРИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «НОМО ECONOMICUS» И ЕЕ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В статье раскрывается роль теоретического конструкта «Номо Economicus» в формировании экономической теории. Особое внимание уделяется осмыслению его мировоззренческого и методологического потенциала. Обсуждается вопрос о границах применимости данного конструкта в рамках экономического исследования.

Ключевые слова: теоретическая модель, экономическая рациональность, экономическое поведение.

Для современного гуманитарного знания характерен повышенный интерес к антропологическим и гносеологическим предпосылкам и допущениям соответствующих теорий. В классических работах П. Вайзе [1], Р. Дарендорфа [2], К. Лавалы [3], а также в многочисленных трудах отечественных авторов [5–7] была обстоятельным образом раскрыта роль такого рода предпосылок в структуре целого ряда дисциплин, в первую очередь социальной и экономической теорий. Было, в частности, установлено, что их фундаментальной предпосылкой последних выступает особая модель человека, получившая, соответственно, название в социологической теории – Номо Sociologicus, а применительно к экономической науке – Номо Economicus [4; 8–11]. В рамках данной статьи ставится задача рассмотреть специфические черты второй модели. Вначале подчеркнем, что главным отличием этой теоретической конструкции от всех прочих построений в социальных науках выступает рационально организованное поведение. Представляется ясным, что в контексте осмысления природы и особенностей данного типа рациональности необходимо уяснить в общих чертах природу рациональности как таковой. Отправной точкой для последующего хода мыслей будет служить следующее рассуждение Макса Вебера: «...жизнь можно “рационализировать” с весьма различных точек зрения и в самых различных направлениях (этот простой часто забываемый тезис нужно было бы ставить во главу угла каждого исследования проблемы “рационализма”». «“Рационализм”, – подчеркивает классик социальной теории, – историческое понятие, заключающее в себе целый мир противоположностей» [8, с. 95]. Основываясь на этом рассуждении, феномен «рациональности» уместно будет трактовать как *операциональное* понятие с достаточно подвижным смысловым объемом, задающимся в зависимости от контекста его употребления и применения. Так, ретроспективный анализ данного конструкта убедительно демонстрирует изменчивость его исторических форм. Если, к примеру, в античности рациональное знание классифицировалось исходя из противопоставления *мнению*, то в эпоху средневековья рациональность получает толкование в контексте оппозиции «знание» – «вера». В свою очередь, философы эпохи Просвещения позиционировали рациональность в качестве важного орудия борьбы против догматизма и пред-

* © Шестаков А.А., 2015

Шестаков Александр Алексеевич (ShestakovAlex@yandex.ru), кафедра философии естественных факультетов, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

рассудков, а в эпоху Нового времени рациональное начало получило осмысление в качестве фундамента научного знания и в этом контексте противопоставлялось эмпирической фактуре когнитивного акта [12]. По необходимости краткий экскурс в исторический контекст рассматриваемой проблематики все же позволяет вычленить то общее, что свойственно всем конкретным толкованиям. Речь идет о понимании рациональности как разумной и адекватной *ориентации* в рамках какого-либо положения дел. Нетрудно заметить, что данное определение не является сугубо формальным – на цели поведения всегда накладываются вполне конкретные содержательные ограничения: в частности, не всякая практическая цель может быть названа разумной, как, впрочем, и не всякое человеческое желание может быть оправдано.

В исследовательской литературе различают *функциональную* интерпретацию *рациональности* в качестве базовой модели большинства социальных наук и более узкое и сугубо формально истолкованное понятие *экономической рациональности*, понимаемой в качестве совокупности способов и процедур оптимизации экономической системы. Если в первом случае требование осознанности поведенческих актов не является необходимым, то в рамках второго границы рационального экономического поведения строго идентичны ясному и отчетливому сознанию индивида. Рациональное поведение в первом из рассматриваемых случаев можно истолковать как приводящее самым коротким путем какую-либо систему, построенную на деятельности, к сохранению и нарастанию в ней равновесия (в этом смысле такое поведение можно назвать функциональным). Однако именно в этом пункте и заключается существенное отличие *общего* понимания рациональности от истолкования ее в контексте экономического поведения. Ясно, что понятие равновесия является нейтральным по отношению к человеческому поведению, поскольку такая характеристика какой-либо системы вовсе не означает ее *оптимального* состояния. Именно на это обстоятельство обратил внимание Герберт Саймон, резонно заметив, что в соответствии с изложенным выше истолкованием многообразие психопатологических состояний также вполне можно приписать рациональный характер: они по-своему отвечают целям адаптации, приспособления и восстановления равновесия психики индивида [13, с. 19]. Вышеизложенное дает основание заключить, что достижение полного и адекватного истолкования экономического поведения с необходимостью предполагает введение в данное теоретическое рассмотрение целого ряда дополнительных компонентов.

Остановимся подробнее на этой задаче. Выше уже отмечалось, что рациональность в экономической теории определяется исключительно формально – как максимизация какой-либо целевой функции при имеющихся ограничениях. Этот тезис легко подтвердить. Обратимся хотя бы к авторитетному мнению Д.Н. Хаймана: «Ключевая поведенческая предпосылка в моделях, используемых в современной микроэкономике, заключается в том, что поведение людей мотивируется желанием максимизировать чистый выигрыш, получаемый при осуществлении операций» [14, с. 14]. При этом нахождение наиболее оптимальных средств для решения какой-либо задачи осуществляется безотносительно к самим конкретным целям. При рассмотрении этого конкретного случая нельзя не заметить влияния, оказанного Д. Юмом с его редукцией рациональности к простому формальному соотношению цели и средств на формирование базовой исследовательской установки в рассуждениях современных экономистов. Ученый этого профиля, можно заключить, описывает общую формальную структуру поведения человека как такового. В этой связи стремление достичь предельного максимума целевой функции вообще является отличительной чертой сознательного человеческого поведения.

В качестве конкретизации этого утверждения можно привести множество примеров: как всякое живое существо, включая даже примитивные растения, инстинктивно тянущиеся к солнечному свету, стремится достичь какого-то локального воплощения целевой функции, буквально на ощупь выбирая наиболее оптимальный вариант поведения из совокупности возможных в настоящий момент. Вместе с тем представляется ясным, что ни животные, ни растения не могут заранее предполагать достижение некоего оптимального варианта, целенаправленно отказываясь от доступных в данный конкретный момент, или выбирать оптимальный, но далеко не прямой путь к цели, к примеру, предпочитая использовать некоторую часть собранного зерна в виде своеобразной инвестиции в новое производство, вместо того чтобы пустить его на непосредственное потребление.

Как все это можно истолковать? Приведенные выше рассуждения, думается, могут быть проинтерпретированы таким образом, что само понятийное содержание «экономической рациональности» формулируется в более широком контексте предположения, что индивид сам по себе наилучшим образом знает и определяет для себя собственные цели и оптимальные способы их достижения. Собственно на этой онтологически исходной предпосылке экономической теории и базируется ее фундаментальное понятие — «предпочтение». В плане доказательности этого тезиса имеет смысл обратиться к авторитетному суждению М. Алле: «Если говорить о конечном потреблении, рассмотрение индексов предпочтения основывается лишь на гипотезе о том, что любой потребитель отдает предпочтение тому, что сам считает предпочтительным» [15, с. 185]. На этом основании можно заключить, что взаимозаменяемость целевых предпочтений может быть признана *differentia specifica* той модели рациональности, которая функционирует в экономической системе общества. Обобщая, подчеркнем, что примеры рационального поведения в экономическом смысле можно обнаружить буквально везде, где реально задействована внутренне непротиворечивая (последовательная, иерархически выстроенная и независимая от внешних воздействий) система предпочтений. В литературе такого рода независимость от содержательного наполнения целей убедительно продемонстрирована В.С. Автономовым. Этот автор, предельно драматизируя рассматриваемую ситуацию, рассуждает о действиях самоубийцы, выбирающего в качестве оптимального способа сведения счетов с жизнью отравление посредством яда. Именно такой шаг будет в полной мере отвечать нормативам экономической рациональности [16, с. 14.]. Этот пример в логически обобщенном виде показывает, что значимость *конкретных* целей не обсуждается в рамках экономической теории.

Анализируя феномен экономической рациональности, нельзя не выделить одну ее важную составляющую — речь идет о поведенческой *целенаправленности*. Все, с чем имеет дело ученый-экономист, он так или иначе интерпретирует как продукт *сознательных* индивидуальных действий. Впервые этот тезис был сформулирован К. Менгером, а свое дальнейшее развитие получил в работах Й. Шумпетера [17]. Подчеркнем, что структура экономической рациональности истолковывается как полностью независимая от конкретных психологических процессов в рамках индивидуального сознания (к примеру, колебаний и сомнений человека, поиск им компромисса, постоянное переформулирование целей, изменение системы предпочтений и т. п.). В этом случае, как видим, индивидуальная психика со всеми ее особенностями попросту выносятся «за скобки» — ее можно уподобить в этом конкретном случае знаменитому «черному ящику». Как раз поэтому все, что происходит до непосредственного акта принятия человеком решения, экономическую науку просто не интересует: относящиеся к ее «ведомству» явления она фиксирует только на выходе из «черного ящика», тематизируя их как самодостаточные, полные и завершенные. По всей видимости, то же самое можно сказать и относительно

но открытий современной психологии и, прежде всего, психоанализа (речь в данном случае идет о феномене метамотивации, деструктивных тенденциях психики, противоречиях нескольких «Я», когнитивной несостоятельности и т. п.): они опять-таки выносятся за скобки в силу самих исходных предпосылок экономической науки. Все изложенное выше позволяет заключить, что *формализм* (нейтральность в отношении содержания целей), *антипсихологизм* (независимость от процессов формулирования выбора), требования *осознанности*, *целенаправленности* и *оптимальности* как раз и являются теми критериями, по которым следует отличать рациональное поведение в смысле экономической науки от всех иных возможным форм рациональности.

Важно иметь в виду, что предполагаемая рациональность индивида присутствует в экономической теории в качестве аксиомы; более того, она выступает имманентным условием проявления любого типа человеческой жизнедеятельности, совпадающим с границами человеческого существования. Понятно, что в данном случае феномен рациональности истолковывается исключительно формально, так сказать, узкопредметно, и не совпадает с его доминирующим пониманием как разумности. В этом специально оговоренном смысле имеются основания утверждать, что человек просто *не может не быть* рациональным (разумеется, за исключением тех редких случаев психопатологического свойства, когда индивид намеренно старается причинить вред самому себе).

Обратимся теперь к тем принципиальным следствиям, которые привносит в экономическую науку обсуждаемая концепция экономической рациональности. Исходный постулат о рациональности мышления и действия экономических субъектов закладывает надежный фундамент для применения к анализу социальных процессов строгих математических методов. Зададимся вопросом: за счет чего это становится возможным? Во-первых, рассматриваемый тип рациональности делает поведение индивида предсказуемым и стратегически просчитываемым, во-вторых, уравнивает и приводит к единому знаменателю всю многообразную жизнедеятельность реально бесконечного множества социальных акторов. Говоря вообще, рациональные схемы действия и предпочтения принципиально наиндивидуальны; как раз в силу этих обстоятельств они *единообразны* у самых разных индивидов независимо от их субъективных свойств и личностных характеристик. В этом плане достаточно лишь задать определенные внешние параметры той или иной исследуемой ситуации – и ученый получит возможность точно просчитать оптимальную реакцию как каждого отдельного экономического субъекта, так и целой группы.

Принципиальную значимость для экономической теории имеет вопрос об *эмпирическом* подтверждении или опровержении ее постулатов и, в частности, гипотезы о рациональном характере экономического поведения. Представляется ясным, что проведение решающего эксперимента, который мог бы установить истинность или ложность данной гипотезы, потребовало бы подбора чрезвычайно жесткого пула параметров и критериев, а также логически безупречной, предельно корректной вербальной формулировки самой познавательной задачи. Однако достаточно впечатляющая совокупность обозначенных выше требований как раз и ставит под сомнение саму возможность такого эксперимента, все больше сближая этот исследовательский прием с некой искусственной ситуацией. С нашей точки зрения, охарактеризованные выше трудности отнюдь не являются весомым аргументом против состоятельности обсуждаемой гипотезы, демонстрируя лишь принципиальную неприменимость *эмпирических* критериев к теоретическим моделям такого уровня абстракции. Сама же обсуждаемая методологическая установка (допущение о рационально выбирающем индивиде) едва ли нуждается в специальных

процедурах верификации, необходимых для более частных элементов теории, поскольку выполняет иную функцию.

Логично задаться вопросом о границах применимости модели «Номо Economicus». Данная теоретическая конструкция, во-первых, будет объяснять экономические факты только при определенных условиях, когда нет необходимости учитывать и тематизировать возможные ответные действия других индивидов. Если же данное условие не соблюдается, то Номо Economicus должен будет рационально вычислять свои собственные действия в ситуации неочевидной (не просчитываемой и непредсказуемой) реакции других индивидов. Но в таком случае рутинная процедура выбора и принятия решений разрасталась бы буквально до фантазмагорических размеров, недоступных ограниченному индивидуальному сознанию в условиях серьезного лимита времени. Вполне естественно, что, во-первых, учет всех возможных последствий и детерминирующих факторов в рамках такой теории породил бы бесчисленное множество взаимоналожений, а также чисто логических противоречий. Во-вторых, постулат о рациональной специфике поведения экономического индивида сам по себе не обладает достаточным эвристическим потенциалом для объяснения всего многообразия рыночных процессов. Он, как кажется, нуждается в дополнительных гипотезах, поясняющих модели и предпосылках. В частности, представляется необходимой служебная гипотеза об одинаковом поведении экономических субъектов, без которой теория рационального ожидания оказывается лишенной своего логического основания. Кроме того, реалии современной хозяйственной жизни нуждаются в привлечении более широкой теории, в частности, концепции конкуренции, равновесия и всеохватности рынков. И наконец, в-третьих, нужно иметь в виду, что идея «максимизация полезности», используемая в качестве рабочей гипотезы, является только *одной из возможных* объясняющих моделей экономических процессов. К примеру, монетаристская модель макроэкономики для обоснования собственных базовых принципов не нуждается в привлечении такого рода поведенческих допущений.

Подведем некоторые итоги. Изложенный материал дает основание заключить, что обусловленность, относительная несамостоятельность и неполнота задают определенную систему ограничений на применимость гипотезы о рациональном характере действий экономического человека. Перечисленные выше параметры, конечно, не следует истолковывать в виде каких-либо концептуальных аргументов против теории экономической рациональности как таковой. Здесь важно другое. Представляется, что свойства рассматриваемой модели лишь очерчивают *границы* ее применимости, обозначая своего рода красные флажки, необходимые любому теоретическому исследованию в данной области. Внутри последнего названная модель достаточно плодотворно работает, приводя к единому основанию множеством чрезвычайно разрозненных факторов реальной хозяйственной практики.

Библиографический список

1. Вайзе П. Номо economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3. С. 115–130.
2. Дарендорф Р. Номо Sociologicus. Опыт об истории, значении и критике категории социальной роли // Тропы из утопии: Работы по теории и истории социологии. М.: Праксис, 2002. 536 с.
3. Лаваль К. Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 432 с.
4. Филатов В.П. Модели человека в социальных науках // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С.125–140.

5. Кизилова Н.М. Философия экономики: методологическое обоснование экономической рациональности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. 40 с.
6. Миннегалиев И.М. Экономическая культура в системе общественного воспроизводства: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2012. 21 с.
7. Шестаков А.А. Экономический принцип как исследовательская программа: взаимосвязь предметного и рефлексивного уровней // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 10 (91). С. 22–27.
8. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
9. Стоцкая Т.Г., Шестаков А.А. Экономическая рациональность как теоретическая модель: сущность, составные элементы и эвристический потенциал // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 1(92). С. 206–211.
10. Шестаков А.А. Теоретические конструкты в экономической теории: сущность и способы формирования // Вестник Самарского государственного университета. 2012. № 1 (92). С. 212–217.
11. Моргунова А.Г., Шестаков А.А. Феномен антропологических моделей в экономической теории и опыт моральной философии // Вестник Самарского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2012. № 10 (101). С. 110–116.
12. Стоцкая Т.Г. Феномен рациональности: сущность, исторические формы, типологические параметры. Самара: Изд-во СГАСУ, 2009. 224 с.
13. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Вып. 3. С. 16–38.
14. Хайман Д.Н. Современная микроэкономика: анализ и применение: в 2 т. / пер. с англ. Т. 1. М.: Финансы и статистика, 1992. 384 с.
15. Алле М. Условия эффективности в экономике. М.: Наука для общества, 1998. 299 с.
16. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экон. шк. и др., 1998. 229 с.
17. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с.

References

1. Vaize P. Homo economicus and homo sociologicus: monsters of social sciences. *THESIS: Teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [Thesis: Theory and history of economic and social institutions and systems], 1993, Issue 3, pp. 115–130 [in Russian].
2. Darendorf R. Homo Sociologicus. Experiment on history, meaning and critics of the category of social role in *Tropy iz utopii: Raboty po teorii i istorii sotsiologii* [Paths out of Utopia: Works on the theory and history of sociology]. М., Praxis, 2002, 536 p. [in Russian].
3. Laval' K. Homo economicus. Essay on the origin of neoliberalism. М., Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 432 p. [in Russian].
4. Filatov V.P. Models of a person in social sciences. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2012, Vol. XXXI, no. 1, pp. 125–140 [in Russian].
5. Kizilova N.M. *Filosofiya ekonomiki: metodologicheskoe obosnovanie ekonomicheskoi ratsional'nosti: avtoreferat dis.....d.-ra. filos. nauk* [Philosophy of economics: methodological substantiation of an economic rationality: Extended abstract of a Doctor's of Philosophy thesis]. М., 2007, 40 p. [in Russian].
6. Minnegaliev I.M. *Ekonomicheskaya kul'tura v sisteme obshchestvennogo vosproizvodstva: avtoreferat dis. ... kand. filos. nauk* [Economic culture in the system of social reproduction: Extended abstract of Candidate's of Philosophical Sciences thesis]. Tver', 2012, 21 p. [in Russian].
7. Shestakov A.A. Economic principle as a research program: interaction of objective and reflexive levels. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara State University. Series: «Economics and Management»], 2011, no. 10(91), pp. 22–27 [in Russian].

8. Veber M. Protestant ethic and feel of capitalism in *Selected works*. M., Progress, 1990, pp. 61–272 [in Russian].
9. Stotskaya T.G., Shestakov A.A. Economic rationality as a theoretical model: essence, components and heuristic potential. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], 2012, no. 1(92), pp. 206–211 [in Russian].
10. Shestakov A.A. Theoretical constructs in the economic theory: essence and means of formation. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara State University. Series «Economics and Management»], 2012, no. 1(92), pp. 212–217 [in Russian].
11. Morgunova A.G., Shestakov A.A. Phenomenon of anthropological models in the economic theory and experience of moral philosophy. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara State University. Series: «Economics and Management»], 2012, no. 10(101), pp. 110–116 [in Russian].
12. Stotskaya T.G. Phenomenon of rationality: essence, historical forms, typological parameters. Samara, Izd-vo SGASU, 2009, 224 p. [in Russian].
13. Saimon G. Rationality as a process and product of thinking. *THESIS: Teoriia i istoriia ekonomicheskikh i sotsial'nykh institutov i sistem* [THESIS: Theory and history of economic and social institutions and systems], 1993, Issue 3, pp. 16–38 [in Russian].
14. Khaiman D.N. Modern microeconomics: analysis and application. In 2 Vols. Vol. 1. Translation from English. M., «Finansy i statistika», 1992, 384p. [in Russian].
15. Alle M. Conditions of effectiveness in economics. M., «Nauka dlia obshchestva», 1998, 299 p. [in Russian].
16. Avtonomov V.S. Model of a man in economic science. SPb., Ekon. shk. i dr., 1998, 229 p. [in Russian].
17. Schumpeter J. Theory of economic development (Research of entrepreneurial profit, capital, credit, procent and cycle of business environment). M., Progress, 1982, 455 p. [in Russian].

*A.A. Shestakov**

HEURISTIC MODEL «HOMO ECONOMICUS» AND ITS ROLE IN SHAPING ECONOMIC THEORY

The article explores the role of theoretical construct «Homo Economicus» in the formation of economic theory. Particular attention is paid to the understanding of its philosophical and methodological potential. The question of limits of applicability of this construct in economic research is discussed.

Key words: theoretical model, economic rationality, economic behavior.

Статья поступила в редакцию 18/VI/2015.
The article received 18/VI/2015.

* *Shestakov Alexander Alexeevich* (ShestakovAlex@yandex.ru), Department of Philosophy of Natural Science Faculties, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.